

The background of the entire image is a photograph of a man and a woman in a hospital setting. The man, on the left, has dark hair and a beard, wearing a white lab coat over teal scrubs. He has a serious expression. The woman, on the right, has blonde hair in a braid, wearing a white lab coat. They are standing in a brightly lit hospital hallway with blue walls and doors in the background. At the top, a black ECG line runs across the image, framing the title text.

НЕИЗЛЕЧИМО
ВЛЮБЛЕННЫ

Мия Латте

УКРОЩЕНИЕ

СТРОПТИВОГО ДОКТОРА

Лия Латте

Укрощение строптивого доктора

<https://litres.ru/74206694>

Аннотация

— Спорим, ты не прoderжишься и месяца? — он крутил в пальцах скальпель, глядя на меня как на подопытную мышь.

— На что спорим?

— Если сбежишь — признаешь, что я был прав, и бросишь медицину навсегда.

— А если останусь? — я вздернула подбородок. — Если я выдержу ваш ад?

Его взгляд скользнул по моей фигуре, задерживаясь на бейджике.

— Тогда, Алина, я выполню любое твое желание, даже самое непристойное.

У каждого есть начальник, которого хочется придушить. Мой — заведующий хирургией Тимур Алиев. Он хамит пациентам, доводит интернов до нервного тика и меняет медсестер чаще, чем перчатки.

К несчастью, мне нужна эта работа. И не просто работа, а именно место в его отделении, чтобы помочь отцу, так что

мне терять нечего. И когда он решает взять меня «на слабо», я соглашаюсь, не раздумывая. _____

ХЭ гарантирован и спасибо вам за поддержку ♥#

Книга выходит в рамках литмоба "Неизлечимо влюблены"

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Визуалы героев	14
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7.1	36
Глава 7.2	41
Глава 8	46
Глава 9	54
Глава 10	62
Глава 11	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1

Если бы у понеделльников было лицо, я бы ударила его кирпичом. Желательно дважды. Сначала будильник решил, что ему тоже нужен выходной, и не прозвенел. Потом моя любимая блузка пала смертью храбрых в неравном бою с утюгом. И вот теперь, вишенкой на этом торте неудач, лифт в элитной клинике «МедЛайф» решил закрыть свои двери прямо перед моим носом.

— Подождите! — крикнула я, цокая каблуками по глянцевой плитке холла.

Папка с резюме выскальзывала из рук, сумка била по бедру, а сердце уже отбивало чечетку где-то в горле. В голове билась только одна мысль: «Не опоздать». Только не сегодня. От этого собеседования зависело слишком многое.

Створки, уже начавшие смыкаться, дрогнули. Чья-то рука в дорогом пиджаке небрежно придержала дверь. Я влетела внутрь, как сумасшедший вихрь, едва не врезавшись в спасителя.

— Спасибо! Вы меня просто спасли, я... — начала я, поднимая голову, и осеклась.

Передо мной стояла скала. Нет, айсберг. Мужчина был высоким, возмутительно широкоплечим, и от него исходил терпкий шлейф дорогого парфюма, смешанный с табаком и едва уловимым запахом антисептика. Он медленно опустил

взгляд на меня. Ледяные серые глаза прошлись по моей растрепанной прическе, съехавшему шарфу и крошечному пятну от кофе на рукаве пальто, которое я заметила только сейчас. Во взгляде читалось не просто равнодушие – там была безразличность. Словно я была не человеком, а бактерией, случайно залетевшей в стерильную зону.

— Торопитесь? — зачем-то поинтересовался он. Голос был низким, с хрипотцой, от которой по спине побежали мурашки. Неприятные, конечно же.

— Форс-мажор, — огрызнулась я, пытаюсь отдышаться и поправить выбившиеся пряди. — А вы, я смотрю, из тех, кто никогда не опаздывает?

Мужчина нажал кнопку десятого этажа. Того самого, куда мне как раз было нужно. Его губы скривились в усмешке, больше похожей на оскал.

— Я из тех, кто ценит время, свое и чужое. А вы, судя по всему, из тех, кто вечно создает проблемы на ровном месте.

Он демонстративно посмотрел на часы на запястье – массивный хронограф, который стоил, вероятно, как моя почка.

— Девять ноль пять. Опоздание – это не форс-мажор, а неумение планировать собственное время.

Меня накрыло волной возмущения. Кто он такой? Родственник владельца клиники? Или VIP-клиент? В любом случае, вести себя так с незнакомым человеком – верх невоспитанности.

— Послушайте, — я выпрямилась, стараясь казаться вы-

ше своих метра шестидесяти и прижимая папку к груди как щит. — Я не виновата, что в центре пробки, а вот ваше хамство — это уже личный выбор. И вообще, элементарную вежливость еще никто не отменял.

Лифт звякнул, прибывая на десятый этаж. Мужчина шагнул к выходу, но перед дверьми обернулся. В тесном пространстве стало слишком мало воздуха.

— Вежливость — это всего лишь самая приемлемая форма лицемерия, — бросил он, не глядя на меня. — А для успеха нужны дисциплина и порядок. У вас же, похоже, дефицит и того, и другого.

Он вышел, оставив меня хватать ртом воздух от возмущения. Вот же... хам! Высокомерный, напыщенный индюк!

— Ну погоди, — прошипела я себе под нос, выходя следом и глядя в его удаляющуюся широкую спину. — Надеюсь, мы больше никогда не встретимся, иначе я за себя не ручаюсь. Я тебе устрою такой хаос, что ты забудешь слово «дисциплина».

Идти за ним следом я не стала. Мне нужно было выдохнуть и привести себя в порядок — негоже являться на собеседование с видом городской сумасшедшей, да и сталкиваться с этим типом в коридоре еще раз не хотелось.

Я нырнула в ближайшую дамскую комнату. Зеркала во всю стену, мрамор, тихая музыка — клиника оправдывала свой элитный статус. Я плеснула прохладной водой в лицо, смывая румянец гнева, и критически осмотрела себя. Рас-

трепанные волосы собрала в строгий пучок, а затем стянула с себя пальто и шарф.

И почему я не сдала их в гардероб на входе? Ах да, потому что неслась к лифту как угорелая, боясь потерять драгоценные секунды. Теперь придется идти на собеседование с ворохом верхней одежды в руках.

— Ты справишься, Алина, — сказала я своему отражению. — Ты профессионал, а хамы встречаются везде.

Выждав пару минут, чтобы дать «мистеру дисциплина» исчезнуть в недрах этажа, я вышла в коридор.

Теперь я решительно направилась к кабинету заведующего хирургическим отделением. Именно там должно было проходить мое финальное собеседование. Мне нужна была эта работа.

Отцу нужна была операция, а в «МедЛайф», как поговаривали, не только платили высокую зарплату, но и для сотрудников действовали особые условия и огромные скидки на лечение родственников. Это был наш единственный шанс.

К тому же, я искренне надеялась, что в клинике такого уровня начальство – это адекватные профессионалы, а не самодуры с комплексом бога, как в некоторых государственных больницах.

Секретарша в приемной, миловидная девушка с большими глазами, сочувственно улыбнулась мне, заметив мое пунцовое лицо:

— Вы к Тимуру Руслановичу? Проходите, он только что

зашел, но предупреждаю: Алиев сегодня не в духе, как, впрочем, и всегда.

«Хуже того типа из лифта уже не будет», — успокоила я себя, выдохнула и толкнула тяжелую дубовую дверь.

Кабинет был огромным, стерильно чистым и дорогим. Кожа, стекло, хром. Никаких фикусов или фотографий семьи.

— Доброе утро! — начала я с порога, натягивая самую профессиональную улыбку. — Я Алина Смирнова, на должность медсестры...

Кресло за массивным столом медленно развернулось и улыбка мгновенно сползла с моего лица.

На меня смотрели те же ледяные серые глаза. Тот же хищный оскал, от которого хотелось спрятаться под плинтус. Тот же дорогой пиджак, теперь небрежно наброшенный на спинку кресла.

Тимур Русланович Алиев. Заведующий отделением, бог хирургии и тот самый хам из лифта.

Он сложил пальцы домиком и откинулся на спинку, разглядывая меня с откровенным пренебрежением.

— Ну надо же, — протянул он вкрадчиво. Голос сочился сарказмом. — Какая удивительная неосмотрительность — грубить потенциальному начальнику. И вы думаете, что после этого я возьму вас на работу, Алина Смирнова?

Глава 2

В кабинете повисла тишина, такая плотная, что её можно было резать скальпелем. Хотя, судя по взгляду Алиева, он уже мысленно препарировал меня.

Мой внутренний голос истерично вопил: *«Беги! Хватай пальто и беги, пока он не испепелил тебя лазером из глаз!»*. Но другая часть меня, та, что помнила бледное лицо отца и счета за лечение, пригвоздила ноги к полу.

— Я не знала, кто вы, — произнесла я, наконец, после затянувшейся паузы. — Но, смею заметить, мое поведение в лифте было реакцией на ваше. Закон Ньютона: сила действия равна силе противодействия.

Тимур Русланович медленно моргнул. Уголок его рта дернулся, но не в улыбке, а в каком-то раздраженном тике.

— Вы пришли устраиваться медсестрой или преподавателем физики, Смирнова? — он взял со стола мое резюме двумя пальцами, словно это была использованная салфетка. — Потому что, судя по бумажке, опыта у вас... — он пробежал глазами по строчкам, — ...городская больница №4?

— Пять лет в экстренной хирургии, — подтвердила я, делая шаг вперед и кладя свою многострадальную верхнюю одежду на стул для посетителей. Без разрешения. — Это значит, что я умею ставить катетер в вену, которая тоньше волоса, пока пациент пытается со мной драться. Я умею рабо-

тать по тридцать часов без сна и кофе. И я точно знаю, что дисциплина — это не только приходить вовремя, но и не терять голову, когда всё вокруг залито кровью.

Алиев хмыкнул. Он наконец соизволил посмотреть мне в глаза. Его радужка была странного цвета — как грозовое небо перед штормом. Красивые глаза. Ужасно, непростительно красивые для такого мерзавца.

— В «МедЛайф» пациенты не дерутся с персоналом, Али-на... как вас там, — холодно отрезал он, отшвыривая мое резюме обратно на стол. — У нас здесь не скотобойня, к которой вы привыкли, а высокотехнологичная хирургия. Мне нужна идеальная асептика, мгновенная реакция и, самое главное, молчание. Вы же производите слишком много шума.

Он потянулся к селектору на столе.

— Дверь там, вы нам не подходите.

Вот так просто? Даже не спросив про навыки? Не задав ни одного профессионального вопроса? Я почувствовала, как щеки снова заливают жаром, но теперь это был не стыд, а злость. Чистая, рафинированная ярость.

— Вы даже не провели собеседование, — процедила я, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Вы судите обо мне по пяти минутам в лифте. Это непрофессионально, доктор Алиев.

Его палец замер в миллиметре от кнопки. Он поднял бровь, и в этом жесте было столько высокомерия, что хвати-

ло бы на небольшое королевство.

— Я хирург, милочка. Я привык принимать решения за доли секунды. И я редко ошибаюсь. Вы мне не подходите и точка.

В этот момент дверь кабинета распахнулась без стука. В проеме стояла запыхавшаяся медсестра в голубом костюме, с перекошенным от ужаса лицом.

— Тимур Русланович! Срочно! В третьей операционной... У Самойлова остановка на столе. Аневризма. Они не могут остановить кровотечение!

Алиев изменился мгновенно. Вальяжность и сарказм слетели с него, как шелуха. Он вскочил с кресла – резкий, собранный, хищный.

— Готовьте гибридную, — рявкнул он, уже на ходу срывая с себя пиджак. — Где Инга?

— У неё отравление, она не вышла! — пискнула медсестра. — У нас нехватка рук в блоке, все на плановых!

Алиев замер посреди кабинета. Его взгляд метнулся по комнате и остановился на мне. Секунда, Две. Я видела, как в его голове крутятся шестеренки, взвешивая риски.

— Ты, — он ткнул в меня пальцем. — Размер перчаток?

— Семерка, — автоматически ответила я.

— Умеешь ассистировать на сосудах?

— Я умею ассистировать даже в темноте!

— Быстро в шлюз. У тебя три минуты на переодевание и мытье рук. Опоздаешь на секунду – вылетишь из клиники

быстрее, чем скажешь «ой».

Он рванул к выходу, даже не оглянувшись.

— Чего встала?! Бегом!

Я стояла ровно мгновение, осознавая, что только что произошло. Кажется мне выпал единственный шанс доказать этому напыщенному индюку, что я чего-то стою.

Я швырнула сумку на диван и побежала за ним.

В предоперационную я влетела ураганом, на ходу стягивая блузку. Стыд? К черту. В больницах нет пола, есть только врачи и пациенты. Кто-то сунул мне в руки стопку хирургического костюма. Брюки оказались велики, но я затянула завязки как можно туже. Шапочка, маска. Руки под кран, локтем на дозатор с антисептиком.

Щетка драла кожу, пена летела во все стороны. Рядом, у соседней раковины, мылся Алиев. Он делал это методично, сосредоточенно, глядя в зеркало перед собой невидящим взглядом.

— Не падать в обморок, — сказал он, не поворачивая головы. — Не задавать вопросов. Делать только то, что я говорю. Инструмент подавать в руку, а не бросать.

Я молча кивнула его отражению, выключая воду локтем.

Двери с шипением разъехались. Я шагнула в святая святых, в холодный свет бестеневых ламп, под писк мониторов, отсчитывающих ритм чьей-то жизни. Ну что, доктор Зло, потанцуем?

Визуалы героев

Дорогие мои, рада видеть вас в своей новой книге и давайте сразу познакомимся с нашими главными героями:

Алина, 28 лет, медсестра по образованию и призванию

И если я сразу представляла, как будет выглядеть Алина, то вот с главным героем, Тимуром Руслановичем, возникли трудности и мне сложно выбрать какой из вариантов больше подходит. Помогите мне, пожалуйста, определиться ##

Ему 35, он опытный хирург, человек с золотыми руками и отвратительным характером.

(Вариант 1)

(Вариант 2)

(Вариант 3)

И, конечно же, я буду очень благодарна вам за поддержку моей новинки, не забудьте поставить звездочку под обложкой книги, если вам понравилось начало ##

Глава 3

В операционной время текло иначе. Сгущалось, становилось вязким, как сироп. Или как кровь, которой здесь было слишком много.

Пациент – грузный мужчина лет пятидесяти – уже был накрыт стерильным бельем. Видно было только операционное поле, залитое йодом, и пульсирующую рану, из которой толчками выходила жизнь.

— Отсос! — рявкнул Алиев, едва я успела подойти к столу. — Где, черт возьми, ассистент?

— Я здесь, — отозвалась я. Мой голос звучал глухо из-за маски, но спокойно. Паника осталась за дверями шлюза.

Он на секунду вскинул глаза, те самые, ледяные, колючие и, не сказав ни слова, протянул руку ладонью вверх. Я знала этот жест.

— Скальпель.

Я вложила инструмент рукояткой точно в ладонь. Четко, быстро, словно мы репетировали это годами. Алиев кивнул едва заметно и работа началась.

Он оперировал так, как играют виртуозы. Ни одного лишнего движения. Разрез, коагуляция, доступ. Он нырнул руками в брюшную полость, почти на ощупь находя поврежденную аорту. Кровь заливала его перчатки, доходила до манжет халата.

— Зажим, — бросил он.

Я подала.

— Не тот! — рыкнул он, отшвыривая инструмент на столик с металлическим звоном. — Мне нужен сосудистый, изогнутый, Бильрот! Ты что, в глаза долбишься?

На секунду меня обожгло обидой. Я подала именно то, что требовалось по протоколу, но спорить сейчас — значит убить пациента. Я молча нашла нужный ему и вложила в руку.

— Суши, — командовал он. — Еще. Глубже! Если повредишь нерв, я тебя лично на органы разберу.

— Вижу, — коротко ответила я, работая аспиратором и убирая алую жижу, чтобы дать ему обзор.

Следующие сорок минут превратились в марафон. Мы работали в тишине, нарушаемой только писком мониторов и короткими командами: «Лигируй», «Вяжи», «Ножницы». Мы танцевали этот жуткий вальс: он шил, я вязала узлы, он требовал, я подавала — иногда на секунду раньше, чем он открывал рот.

Я не думала о том, что он хам. Я не думала о собеседовании. Я видела только его руки — сильные, уверенные, творящие чудо. И мои руки подчинялись этому ритму.

Когда критическая точка была пройдена и кровотечение остановилось, писк мониторов стал ровнее. Анестезиолог шумно выдохнул где-то за шторкой:

— Давление стабилизировалось. 110 на 70. Синусовый ритм.

Алиев замер. Он тяжело дышал, плечи опустились. Только сейчас я заметила капли пота у него на лбу, грозившие скатиться прямо в глаза.

— Вытри, — приказал он, не разжимая рук, удерживающих края раны для контроля.

Санитарка замешкалась. Я схватила стерильную салфетку и, наклонившись, быстро промокнула его лоб. Он дернулся, словно от удара током, и на мгновение наши взгляды встретились. Близко, Слишком близко.

Там, в глубине его серых глаз, все еще бушевал шторм. Адреналин медленно уступал место усталости.

— Шейте кожу, — бросил он анестезиологу и второму подоспевшему ассистенту, отходя от стола и сдирая окровавленные перчатки. — Смирнова, за мной.

В предоперационной он долго мыл руки, с остервенением намыливая их до локтей, словно пытаюсь смыть не только кровь, но и напряжение. Я стояла рядом, чувствуя, как ноги начинают предательски подрагивать – классический отходняк после стресса. Но я выпрямилась, упершись поясницей в раковину. Не дождется.

— Вы дали мне не тот зажим, который я просил, — сказал он, глядя на свое отражение в зеркале. Голос был ровным, лишенным эмоций.

— Я дала тот, который был нужен, — парировала я, стягивая маску. Воздух показался сладким. — Я действовала по протоколу, а вот вы рисковали и запросто могли бы порвать

сосуд.

Алиев выключил воду и медленно повернулся ко мне. Он вытер руки бумажным полотенцем, скомкал его и швырнул в корзину точным броском. Потом шагнул ко мне, вторгаясь в личное пространство. От него пахло антисептиком и тяжелым мужским потом.

— Умная, значит? — тихо спросил он. Правда звучало это далеко не как комплимент..

— Квалифицированная, — поправила я, глядя ему прямо в глаза.

Секунду мы мерили друг друга взглядами. Искра, проскочившая между нами, была далека от романтики — это было столкновение двух камней, от которого летят искры.

— Завтра в 7:45. Планерка. Опоздаешь на минуту — даже в лифт не пущу.

— Это значит, я принята?

Его губы скривились в той самой усмешке-оскале, которую я уже видела в лифте.

— Это значит, Смирнова, что у тебя испытательный срок. И я сделаю всё, чтобы ты сбежала отсюда сама через неделю. Потому что я не терплю самостоятельности.

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Я осталась одна в гулком кафеде предоперационной. Медленно выдохнула, чувствуя, как губы растягиваются в нервной, но торжествующей улыбке.

— Ну уж нет, — прошептала я в пустоту. — Я так просто

не сдамся.

— Мам, всё в порядке, — я прижала телефон плечом к уху, пытаясь одной рукой застегнуть пальто. Пальцы плохо слушались. — Да, меня взяли. Нет, начальник... нормальный. Строгий, но профессионал.

Я соврала не моргнув глазом. Расстраивать маму описанием "Того самого Хама" не хотелось. Я вышла из клиники в прохладный вечерний воздух. Огни города расплывались перед глазами.

— Алина, — голос мамы стал тише. — Врач сегодня заходил. Сказал, тянуть с операцией папе нельзя. Максимум месяц. Потом... потом может быть поздно.

Слова ударили под дых сильнее, чем любая грубость Алиева. Месяц. У меня есть месяц, чтобы заработать репутацию, закрепиться здесь и выбить квоту или скидку для отца.

Я обернулась на сверкающий фасад «МедЛайф». Где-то там, на десятом этаже, в своем кабинете сидел человек, от которого теперь зависела жизнь моего отца. И этот человек обещал устроить мне ад.

— Мы справимся, мам, — пообещала я. — Я всё решу. Я еще не знала, какую цену придется за это заплатить.

Глава 4

(Прошла неделя)

Неделя в отделении общей хирургии под началом Тимура Алиева пролетела как один затяжной прыжок с парашютом, который забыли уложить. Если в аду существует специальное отделение для грешников-медиков, то заведует им точно он. Семь дней ада.

Семь дней, за которые я успела выучить два незыблемых правила. Первое: Алиев всегда прав. Второе: если Алиев не прав, смотри правило номер один, зажмурься и готовься к публичной порке.

Он гонял меня по этажам так, что к вечеру мои ноги гудели, словно высоковольтные провода под нагрузкой. Казалось, у него был встроенный радар на малейшее проявление моей минутной слабости. Стоило мне на секунду присесть в ординаторской, чтобы глотнуть остывшего чая, как в дверях возникала его мощная, заполняющая собой всё пространство фигура.

— Смирнова, вы здесь в санатории? В третьей палате у пациента дренаж подтекает, а во второй – анализы из лаборатории не принесли. Или вы ждете, когда у них отрастут ноги и они придут к вам сами?

Он заставлял меня трижды переписывать карты из-за «недостаточно каллиграфического почерка», хотя его соб-

ственные записи напоминали кардиограмму курицы в эпилептическом припадке. Он придирался к цвету моей шапочки (нежно-голубой, по его мнению, «диссонировал с суровой эстетикой хирургии»), к чистоте моих кроссовок и даже к тому, как громко я дышу во время обхода.

Однажды он заставил меня пересчитывать весь запас шовного материала в процедурной просто потому, что ему «показалось», будто я слишком уверенно чувствую себя в его отделении. К концу четвертого часа пересчета игл я была готова либо расплакаться, либо вонзить одну из них ему в плечо. Я выбрала третье: закончила работу с идеально ровной спиной и ледяной улыбкой на лице.

Казалось, его миссия на этой планете – довести меня до увольнения по собственному желанию в рекордно короткие сроки. Но он плохо меня знал. Чем сильнее он давил, тем тверже становился мой внутренний стержень.

Но самое интересное начиналось за двойными герметичными дверями операционной. Там наше противостояние выходило на совершенно иной уровень. Там мы переставали быть тираном-начальником и строптивой подчиненной. Мы превращались в слаженный, почти идеальный механизм, который работал на чистом топливе из взаимной ненависти, адреналина и безупречного, пугающего профессионализма.

Сегодня на столе был «острый живот». Классика, осложненная лишним весом пациента и сомнительным анамнезом.

— Подай зажим, Смирнова. И если ты будешь копать

так же долго, как соображаешь, пациент умрет от старости прямо здесь, не дождавшись швов, — прорычал он, не поднимая глаз от операционного поля.

Его голос, приглушенный маской, все равно звенел той самой ледяной сталью, от которой у интернов обычно подкашивались колени. Я видела, как побледнел ординатор Костя, стоявший «на крючках» — бедняга, кажется, вообще забыл, как моргать, боясь пропустить малейшее движение мастера.

Я с громким, четким шлепком вложила инструмент в его раскрытую ладонь. Так, чтобы он почувствовал металл кожей через тонкий латекс перчатки.

— Если бы ваше эго занимало чуть меньше места в этой операционной, доктор, здесь было бы куда легче дышать. Ассистентам не пришлось бы вжиматься в стены. Зажим «москит».

Под маской я не видела его лица, но готова была поспорить на свою премию: его желваки сейчас ходят ходуном. Его пальцы на мгновение сжались на инструменте чуть сильнее нужного, но рука осталась неподвижной, как скала. Хирург от бога, как бы сильно мне ни хотелось это отрицать в моменты ярости.

— Ты уволена, — бросил он буднично, делая ювелирный надрез.

— Третий раз за неделю, Тимур Русланович, — я даже не сбила ритм дыхания, уже готовя следующую позицию. — Придумайте что-нибудь поновее. На пятый раз я начну тре-

бовать выходное пособие. И поправьте свет, вы снова загромождаєте мне обзор своим неоспоримым величием.

Костя-интерн издал странный звук – не то всхлип, не то подавленный смешок. Алиев метнул в него такой взгляд, что парень, кажется, на мгновение перестал существовать как биологический объект. Но – о чудо! – Тимур чуть сдвинулся в сторону, пропуская свет бестеновой лампы глубже в рану.

— Еще одно слово не по делу, Смирнова, и я зашью тебе рот тем же материалом, что и брюшину этому бедолаге.

— Это прямая угроза физической расправы на рабочем месте, — парировала я, внимательно следя за каждым микронным движением его иглодержателя. — А это уже уголовная статья. Ножницы.

Он взял ножницы. И я могла поклясться, что в уголках его глаз, там, где собирались мелкие мимические морщинки, промелькнуло что-то похожее на искру веселья. Ему это нравилось. Этот невозможный, заносчивый человек наслаждался стычкой. Ему не нужны были покорные овечки, заглядывающие в рот и ловящие каждое слово; ему нужен был достойный спарринг-партнер, который не уронит скальпель и не расплатится, когда на него наорут.

Операция закончилась через полтора часа. Мы работали в четыре руки, понимая друг друга без слов, по одним лишь едва заметным движениям плеч или наклону головы. Это была какая-то странная, извращенная симфония. Когда последний стежок был наложен, Алиев просто отошел от стола, со-

рвал перчатки и вышел, оставив Костю заканчивать уборку и заполнять первичный протокол.

В коридоре он уже успел сорвать маску и шапочку. Его лицо – жесткое, породистое, с острыми скулами и печатью хронической усталости – сейчас казалось еще более непроницаемым.

— Кофе, — бросил он, не оборачиваясь в мою сторону.
— Двойной эспresso, без сахара. Максимально крепкий.

— Я медсестра, а не ваша личная официантка, Тимур Русланович, — я стянула перчатки, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение. — В мои обязанности не входит обслуживание вашей кофезависимости.

— Ты мой личный ассистент. А мне нужен кофе, чтобы не убить следующего пациента из-за недосыпа. Или ты хочешь взять этот грех на свою хрупкую душу?

Манипулятор чертов. Он всегда бил в самое больное место – в ответственность за больных. Я закатила глаза, но все же развернулась в сторону ординаторской.

— Один раз. И только ради безопасности человечества.

— И прихвати отчеты по Петрову, — донеслось мне в спину, прежде чем тяжелая дубовая дверь его кабинета захлопнулась с глухим стуком.

Я шла по коридору, сжимая кулаки, но губы сами собой растягивались в улыбку. Я продержалась неделю, не сломалась под его прессом, и, кажется, эта война только входила в свою самую интересную, стратегическую фазу. Я чувство-

вала себя почти победителем.

Пока писала главу вспомнила одного своего босса с одной из прошлых работ, тоже любил увольнять всех подряд, а потом удивлялся, почему это на следующий день уволенный на работу не приходил.

А помимо этого запрещал нам ходить, простите, в туалет "по-большому", потому что это, якобы, энергетику в офисе портило. И много других закидонов было помимо этого еще. Бежала я оттуда сверкая пятками, не смотря на очень высокую зарплату для нашего региона.

Так что в сравнении с ним господин Алиев милашка и лапушка ##

А у вас были отвратительные начальники? С удовольствием почитаю ваши истории ##

Дорогие мои, начинаю вас знакомить с другими участниками литбома "Неизлечимо влюблены".

И первой на очереди книга от Эльзы Манаровой "Бывший. Незалеченные раны".

Читать по ссылке: <https://litnet.com/shrt/dqX->

Глава 5

Тимур Русланович занимал свое кресло с таким видом, будто это был трон, а не обычная офисная мебель. Свет настольной лампы золотил его скулы и подчеркивал опасный блеск в глазах, когда он наконец оторвался от монитора.

Я поставила чашку перед ним. Пар поднимался красивыми завитками, и на секунду наши взгляды встретились. Воздух вокруг словно наэлектризовался – так бывает перед сильной грозой, когда от напряжения волоски на руках встают дыбом.

— Ваш кофе, Тимур Русланович. Идеальной температуры, чтобы взбодрить, и достаточно горький, чтобы соответствовать вашему сегодняшнему настроению.

Он едва заметно улыбнулся – одним лишь уголком губ, но этого хватило, чтобы в моем животе совершила кульбит целая стая не вовремя проснувшихся бабочек.

— Алина, вы обладаете поразительным талантом превращать простую подачу напитка в акт пассивной агрессии.

Он взял чашку, и его пальцы на долю секунды коснулись моих. Короткое, почти случайное прикосновение обожгло сильнее, чем горячий фарфор. Я заставила себя не отдернуть руку, удерживая его взгляд.

— Это называется «сервис с характером», — я положила папку с отчетами прямо перед ним, едва не задев его пальцы.

— По Петрову всё идеально. Я предложила дежурному врачу скорректировать ему дозировку обезболивающего. Пациент теперь видит цветные сны вместо того, чтобы считать трещины на потолке от боли.

Алиев откинулся на спинку кресла, рассматривая меня так, словно я была самой интересной клинической загадкой в его практике. Он вдруг потянулся к столу, взял стерильный скальпель, который использовал вместо антистресс-игрушки, и начал задумчиво вращать его между длинными, изящными пальцами.

— Знаешь, Алин.. — он перешел на «ты» так естественно, что я даже не успела возмутиться. — Спорим, ты не выдержишься здесь и месяца?

Он крутил в пальцах холодную сталь, глядя на меня как на подопытную мышь под микроскопом. В его глазах плясали чертики, а голос стал опасно мягким.

— На что спорим? — я вздернула подбородок, принимая вызов.

— Если сбежишь – признаешь, что я был прав, и бросишь медицину навсегда.

— А если останусь? Если я выдержу ваш персональный ад, Тимур Русланович?

Его взгляд медленно скользнул по моей фигуре, задерживаясь на бейджике, приколотом к груди, а затем снова вернулся к моим глазам. Скальпель замер в его руке.

— Тогда, Алина, я выполню любое твоё желание, даже са-

мое непристойное.

У меня перехватило дыхание. Это было уже не просто пари, это была игра на грани фола. Воздух в кабинете стал таким густым, что его можно было резать тем самым скальпелем.

— Поймала на слове, — выдохнула я, стараясь, чтобы мой голос не дрогнул. — Готовьтесь проигрывать.

— Посмотрим, — он снова стал официально-холодным и кивнул на внушительную стопку папок на углу стола. — Здесь тридцать случаев сложнейших патологий поджелудочной. К утру мне нужен сравнительный анализ. Если найдете в них общую системную ошибку – завтра вы идете со мной на операцию первым ассистентом. Это ваш первый тест на выносливость.

Я подхватила папки – они были тяжелыми, но азарт внутри меня весил куда больше. Выйдя из кабинета, я чувствовала себя так, будто только что сорвала джекпот в казино, где ставки – жизнь и карьера. Я летела по коридору, едва касаясь пола, пока мой телефон не ожил в кармане.

Звонок от мамы.

— Привет, мам! — я ответила бодро, всё еще сияя от предвкушения победы. — У меня новости! Алиев предложил мне...

— Аля... — голос мамы был тихим и каким-то надломленным. — Доченька, папе делали повторное обследование. Врач сказал... квоты нет и не предвидится. Опухоль слиш-

ком сложная, в нашей больнице никто не возьмет на себя такую ответственность. Говорят, это как заминированное поле — один неверный разрез, и всё...

Я словно сорвалась с залитого солнцем пика, по которому только что карабкалась с таким азартом, и полетела прямоком в ледяную расщелину. Я остановилась посреди пустого коридора, прижимая трубку к уху.

— И что теперь? — мой голос прозвучал чужим и ломким.

— Есть вариант в Москве, в частном центре. Они берутся, — мама судорожно вздохнула. — Врач сказал, у нас совсем мало времени. Все тот же месяц, может быть, два, если повезет, но медлить нельзя. Операция будет стоить миллиона три, не меньше. Правда гарантий они не дают никаких...

Три миллиона. Сумма, которая для меня сейчас казалась такой же недостижимой, как полет на Марс. У меня есть всего месяц. Это время, за которое нужно что-то придумать.

Мама помолчала, и я услышала, как она тяжело, со свистом выдохнула.

— Аля, я завтра выставлю квартиру на продажу. Переедем в область к тете Вере, проживем как-нибудь. Другого выхода нет, лишь бы папу спасти...

Я слушала её, а перед глазамиплыли белые стены коридора. Я знала другой «выход». Я знала его еще тогда, когда подавала документы именно в это отделение, в эту клинику, обходя десятки других предложений.

Среди медиков ходила поговорка: «Если Алиев не берется

– значит, поможет только патологоанатом». И он был единственным кто мог спасти моего отца.

Я посмотрела на тяжелые папки в своих руках. Затем – на закрытую дверь кабинета Алиева в конце коридора.

Любое желание, даже самое непристойное...

Первым порывом было развернуться и вбежать обратно. Упасть в ноги, разрыдаться, умолять. Но я знала Алиева всего неделю, и этого хватило, чтобы понять: он ненавидит слабость, презирует слезы. Стоит мне войти туда сейчас с протянутой рукой, и я проиграю пари, не успев его начать.

Нет, Алина Смирнова не будет попрошайкой. Я сделала глубокий вдох, успокаивая бешеное сердце. У меня есть работа и есть задание.

И у меня есть «желание», которое этот самовлюбленный гений уже пообещал мне выполнить.

Глава 6

Я перевернула тяжелый пластиковый пакет, и тридцать картонных папок с глухим стуком вывалились на диван. Они заняли всё свободное место, потеснив старые диванные подушки и плед. В квартире повисла тишина, которую нарушали только привычные звуки ночного дома: на кухне натужно гудел старый холодильник, а где-то у соседей сверху шумела вода в трубах.

Я заварила себе крепкий, почти черный чай, переоделась в растянутую домашнюю футболку и села на пол, прямо на ковер. Ноги сразу коснулись холодного линолеума там, где ковер заканчивался, но я даже не заметила этого холода. Передо мной лежал хаос из чужих диагнозов и судебных.

— Ну давай, Алиев, — сказала я вслух, открывая первое дело и разглаживая помятый уголок страницы. — Посмотрим, что ты там спрятал. И зачем тебе понадобилась именно я.

Первый час я просто листала, пытаюсь погрузиться в материал. Страницы шуршали, цифры и термины мелькали перед глазами, сливаясь в одну серую массу. Эпикризы, биохимия крови, температурные листы, протоколы операций. Я выписывала данные в блокнот, чертила таблицы, пытаюсь найти хоть какую-то закономерность.

Пациенты были абсолютно разными: крепкие мужчины,

хрупкие женщины, молодые парни после аварий и пожилые люди с хроническими букетами болезней. Статистика выглядела как случайный набор трагедий.

К трем часам ночи спина затекла так, что каждое движение отдавалось болью в пояснице, а глаза начали нестерпимо болеть от мелкого шрифта. Я потерла веки и потянулась к стопке книг под столом, чтобы взять что-то твердое и подложить под блокнот – писать на коленке было неудобно.

Рука наткнулась на твердый переплет учебника по оперативной хирургии.

Я вытянула его. Книга открылась сама, привычно, на форзаце. Там, карандашом, с сильным нажимом было выведено моим почерком: «Смирнова Алина. 5 курс».

Я провела пальцем по глянцевой странице, чувствуя каждую вмятину от карандаша. И вдруг так ясно, до мельчайших деталей и запахов, вспомнила тот день, когда купила эту книгу. Я тогда несла её в общежитие как сокровище, уверенная, что через год стану врачом, которого будут уважать.

Три года назад

Профессор Воронов был не просто преподавателем – он был живой легендой университета. Высокий, всегда безупречно одетый, с сединой на висках, которая только добавляла ему шарма. Он не читал лекции, он давал представления. Аудитория ловила каждое его движение.

— Хирургия – это не ремесло, это религия, — говорил

он, прохаживаясь между рядами амфитеатра и постукивая дорогой указкой по ладони. — Хирург должен отдавать себя делу целиком, без остатка. И полностью, безоговорочно доверять своему наставнику.

Я сидела на первом ряду, записывая каждое слово, и мечтала, чтобы он стал моим научным руководителем. Мне казалось, что учиться у него — это билет в великое будущее.

Через месяц меня вызвали к нему на кафедру. Секретарь сказала, что профессор хочет обсудить мою курсовую работу. Я шла туда счастливая, с дрожащими руками, думала, он заметил мои отличные оценки и нестандартный подход к теме.

Его кабинет был огромным, похожим на библиотеку аристократа: дубовые панели, кожаные диваны, запах старых книг и дорогого одеколона с нотками табака. Он встретил меня у окна, даже не предложив сесть.

— Ты очень... способная девочка, Алина, — промурлыкал он, и его липкий взгляд медленно скользнул по моей фигуре, задерживаясь на груди, скрытой тонкой блузкой. — Я читал твою работу. У тебя есть талант, редкое клиническое мышление. Я могу помочь тебе. Гранты, стажировка в Германии, работа в элитной частной клинике сразу после диплома.

— Спасибо, Игорь Сергеевич! — я чуть не подпрыгнула от радости, пока не замечая его сальных намеков. — Я буду стараться, я готова работать сутками!

— Старания мало, — он подошел ближе, слишком близ-

ко. Нарушил личное пространство так резко, что мне захотелось отшагнуть, но сзади был подоконник. — Ты должна понимать... Настоящее обучение требует близости и полного доверия. Никаких секретов и барьеров между учителем и ученицей.

Его рука легла мне на плечо. Тяжелая, теплая, влажная ладонь. Пальцы сжались чуть сильнее, чем нужно, прощупывая ключицу через тонкую ткань блузки.

— Я вижу в тебе потенциал, — его голос стал ниже, бархатистее. — Но алмаз нужно гранить. Я готов стать твоим мастером, если ты будешь послушной девочкой.

Он наклонился к моему уху, его дыхание обожгло кожу. Рука скользнула мне на талию и поползла ниже, к бедру. К горлу подкатил ком тошноты, тело сковал липкий, парализующий страх.

— Уберите руки, — сказала я громче, чем планировала, и резко дернулась в сторону, сбрасывая его ладонь.

Он не удивился, не испугался. Просто усмехнулся — холодно, неприятно, как человек, который привык получать всё, что хочет.

— Уверена? Подумай хорошо, Алина. Без меня ты никто. Просто еще одна девочка из провинции, которая закончит в районной поликлинике, выписывая больничные алкоголикам. А со мной у тебя будет карьера, слава, деньги.

— Я сама справлюсь, — ответила я, глядя ему прямо в глаза, хотя внутри всё дрожало. — Мне не нужна такая по-

мощь.

Я выбежала из кабинета, хлопнув тяжелой дверью. Сердце колотилось где-то в горле. Я думала, инцидент исчерпан.

Как же я ошибалась...

Воронов начал мстить.

Он делал это не своими руками, а через систему. Мои работы начали «теряться» в деканате. На зачетах мне задавали вопросы из программы аспирантуры, которых не было в учебниках. Он высмеивал мои ответы перед всей группой, называя их «бредом» и «женской логикой». Однокурсники, которые раньше просили списать, теперь отводили глаза и перестали со мной здороваться, боясь попасть под раздачу.

Когда я, доведенная до отчаяния, пошла в деканат, меня встретили холодно.

— Профессор Воронов – светило науки, гордость университета, милочка. А вы... вы просто не тянете учебу и выдумываете гадости про уважаемого человека, чтобы оправдать свою лень. Стыдно должно быть.

Так меня и отчислили за полгода до защиты диплома. С формулировкой, после которой путь в любой другой медвуз был закрыт.

«Неоконченное высшее».

Пять лет моей жизни, бессонные ночи над учебниками и все мои мечты.

Глава 7.1

Я моргнула, выныривая из липкого тумана прошлого. Чай в кружке совсем остыл, на поверхности плавала радужная пленка. Я смотрела на учебник, и внутри меня закипала злость. Не та беспомощная обида девочки-студентки, которую растоптал самовлюбленный профессор, а холодная, расчетливая ярость взрослой женщины, у которой попытались отнять всё, кроме мозгов.

Алиев. Он ведь читал мое досье. Он видел эту проклятую строчку про «неоконченное высшее». Зачем тогда он дал мне эти папки? Чтобы окончательно добить? Показать мне, зарвавшейся медсестре, что высокие материи и аналитика – это не для меня? Ткнуть носом в то, что мое место – менять капельницы и улыбаться пациентам?

Или...

Или он, как опытный хирург, вскрыл гнойник, чтобы посмотреть, что внутри?

— Ты думаешь, я сломаюсь? — прошептала я в пустоту комнаты, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Думаешь, я испугаюсь твоих загадок, Тимур Русланович?

Я снова посмотрела на разбросанные по полу папки.

Ответ лежал на поверхности, стоило только перестать думать как послушный исполнитель и включить логику. Я отбросила сложные теории и просто сравнила время. Часы и

минуты. И тут в глаза бросилась одна странная, почти нелепая деталь. В самых тяжелых случаях пациенты получали укол строго по регламенту – минута в минуту после пробуждения. А в тех историях, где пациенты быстро шли на поправку? Им вводили препарат с опозданием. Просто потому, что медсестры не успевали, были заняты с другими больными или банально забывали про тайминг.

Халатность, которая работала лучше лекарства. Идеальная дисциплина, которая всё портила.

Разгадка оказалась до смешного простой. Пункт четырнадцатый. Обычная строчка в инструкции, которую все считали аксиомой, на деле оказалась той самой системной ошибкой, которую искал Алиев.

За окном начинал заниматься рассвет, окрашивая серые многоэтажки в нежно-розовый. Спать расхотелось окончательно. Внутри бурлила энергия, от которой покалывало кончики пальцев. Я нашла ключ. Я держала в руках козырь, который был дороже любых денег.

Я встала, разминая затекшие ноги. Приняла душ, смывая с себя усталость бессонной ночи. Сегодня я должна была сиять.

Холл клиники встретил меня прохладой кондиционеров и сдержанным гулом, больше напоминающим лобби дорогого отеля, чем больницу. У стойки ресепшена из белого мрамора администраторы в фирменных шейных платках с вежливыми улыбками оформляли пациентов.

Чуть поодаль курьер с огромным терморякзом доставки спорил с охранником у турникета – парень пытался провратсь в стационар в грязных ботинках, уверяя, что он «на секундочку, клиент ждет».

Я прошла через турникет, привычно приложив пропуск. Обычно в это время я старалась проскользнуть к служебным лифтам тенью, сливаясь с дизайнерскими бежевыми стенами, чтобы лишний раз не попадаться на глаза начальству. Но сегодня я просто шла вперед, крепко прижимая к груди папку и не опуская глаз.

Секретарша Леночка, вечно жующая мятную жвачку, даже не успела поднять на меня глаза от своего маникюра.

— Смирнова? Тебе туда нельзя, у него...

Я не остановилась и толкнула тяжелую дубовую дверь кабинета заведующего без стука.

Тимур Русланович стоял у окна, спиной ко мне. Он разговаривал по телефону, его широкие плечи в белоснежном халате казались каменной стеной. Услышав хлопок двери, он даже не обернулся, лишь властно поднял руку ладонью вверх – мол, жди и молчи.

Раньше я бы, наверное, замерла у порога, переминаясь с ноги на ногу, но не сегодня.

Я прошла через весь кабинет, чувствуя, как адреналин стучит в висках, и с громким, почти вызывающим хлопком опустила папку с моими ночными изысканиями на его идеальный, полированный стол. Прямо поверх его ежедневника.

Алиев замолчал на полуслове. Медленно, очень медленно он опустил руку с телефоном и обернулся.

В его глазах, темных и глубоких, как омуты, сначала мелькнуло раздражение, которое тут же сменилось удивлением, а следом – опасным, хищным интересом. Он сбросил вызов и положил телефон в карман.

— Алина, — его голос был тихим, но от этого еще более пробирающим. — Вы либо нашли лекарство от бессмертия, либо окончательно потеряли инстинкт самосохранения. Врываться ко мне в восемь утра?

— Я нашла, — я оперлась бедрами о край его стола, скрестив руки на груди. Это было нарушением всех мыслимых границ субординации, но мне было плевать. Воздух в кабинете мгновенно стал густым и горячим. — Я нашла причину, по которой ваша статистика портится, Тимур Русланович. И вам это не понравится.

Он подошел ближе. Я уловила аромат его парфюма – сандал, холодный металл и что-то неуловимо мужское, от чего у меня предательски перехватило дыхание. Но я не отступила ни на сантиметр.

— Не томи, — произнес он, глядя мне прямо в глаза. — Говори.

Дорогие мои, продолжаю вас знакомить с участниками литбома "Неизлечимо влюблены".

Сегодня приглашаю вас в новинку от Виктории Альмонд

"Пульс разбитого сердца".

Читать по ссылке: <https://litnet.com/shrt/TPWU>

Глава 7.2

Я открыла папку и ткнула пальцем в график.

— Пункт четырнадцатый. Ваша «священная корова». Протокол, который вы заставляете соблюдать с фанатизмом инквизитора. Вы вводите препарат слишком рано.

Алиев нахмурился, его взгляд стал острым, сканирующим.

— Это стандарт, Алина. Профилактика осложнений. Весь мир так делает.

— Делал, — парировала я. — Лет пять назад. Пока вы спасали пациентов от одной беды, вы своими руками загоняли их в другую.

Я говорила быстро, уверенно. О том, что идеальный порядок иногда хуже хаоса. О том, что «забывчивые» медсестры спасали жизни, нарушая график, а дисциплинированные — невольно губили, вводя лекарство в тот момент, когда организм еще спал. Я выложила перед ним всё: статистику, анализ, ссылку на японское исследование.

Я закончила и замерла, ожидая реакции. Я ждала... ну, если не аплодисментов, то хотя бы признания. Шок? Восхищение? Фразы «Боже, Алиночка, ты гений»?

Алиев молчал. Он взял лист с моими записями. Его лицо оставалось абсолютно непроницаемым, ни одна мышца не дрогнула. Он просто читал, изредка хмыкая, словно прове-

рял счет из ресторана, в котором что-то не сходилось с итоговой суммой.

Минута тянулась вечность. Я слышала, как тикают дорогие часы на его запястье, как бешено колотится мое собственное сердце. Ну же! Скажи это! Признай, что я права!

Наконец он поднял голову. В его взгляде не было восторга. Там был холодный, расчетливый анализ.

— Любопытно, — произнес он сухо, бросая лист обратно на стол. — Логика есть. Я передам эти данные коллегам, пусть проверят корреляцию на большей выборке.

И всё. У меня отвисла челюсть.

— «Любопытно»? — переспросила я, чувствуя, как внутри закипает обида. — И это всё, что вы можете сказать? Я всю ночь не спала, перерыла архив за пять лет, нашла то, что пропустили ваши хваленые профессора, а вы говорите «любопытно»?

Алиев скрестил руки на груди и посмотрел на меня сверху вниз, как на капризного ребенка.

— А чего вы ждали, Алина? Медаль? Оркестр в вашу честь? Вы выполнили задание, которое я вам дал. Это ваша работа. Вы показали, что умеете думать, а не только носить кофе. Похвально, но не более того.

— Я доказала, что достойна быть здесь! — выпалила я. — Я выиграла!

— Что вы выиграли? — он удивленно приподнял бровь.

— Пари! — мой голос сорвался. — Я нашла ошибку. Я

справились. Вы обещали исполнить любое желание!

Тишина в кабинете стала звенящей. Алиев медленно, хищно улыбнулся.

— Алина, Алина... — он покачал головой. — У вас проблемы с памятью? Условием пари было продержаться в моем отделении *месяц*. Прошла всего неделя. То, что вы решили одну задачку, не делает вас победителем. Это делает вас... полезной. Пока что.

Меня словно ведром ледяной воды окатили. Весь мой утренний триумф, вся уверенность рассыпались в прах. Я стояла перед ним, красная от злости и унижения, а он наслаждался этим моментом.

— Но я ведь права насчет протокола! — упрямо повторила я.

— Возможно. А возможно, это совпадение. В медицине нет места поспешным выводам. Я проверю вашу гипотезу.

Он обошел стол и встал совсем близко.

— Но раз уж вы так рветесь в бой... Через сорок минут резекция. Та самая, сложная.

— Вы берете меня ассистентом? — надежда, глупая и живучая, снова подняла голову.

Алиев рассмеялся. Коротко, лающе.

— Алина, спуститесь с небес на землю. Это частная клиника премиум-класса, а не полевой госпиталь. Вы по документам — медсестра с неоконченным высшим. Если я пушу вас к столу со скальпелем, и пациент, не дай бог, даст ослож-

нение, прокурор посадит меня в соседнюю камеру с вами. Ни один юрист не пропустит вас в протокол операции как хирурга.

— Тогда зачем...

— Вы идете как операционная сестра. Подавать инструменты, держать крючки и молчать. — Он наклонился к моему лицу, его глаза сузились. — Но вы будете стоять рядом и смотреть. И если вы действительно так умны, как хотите казаться, вы поймете, почему я не пускаю недоучек резать живых людей, даже если они умеют читать японские статьи.

Он резко отстранился и посмотрел на часы.

— Всё, марш в предоперационную, у вас десять минут. И Алина... — он уже отвернулся к окну, потеряв ко мне интерес. — Кофе сегодня мне принесли отвратительный. Завтра жду его от вас, у вас хорошо получается.

Я вылетела из кабинета, едва сдерживая слезы ярости. Хлопнула дверью так, что штукатурка, надеюсь, посыпалась.

Сволочь. Высокомерная, самовлюбленная сволочь. «Любопытно». «Передам коллегам». Он даже не похвалил меня! Он просто вытер ноги о мой триумф, напомнив мне мое место. Место прислуги.

В предоперационной я с остервенением срывала с себя одежду, натягивая хирургический костюм.

— Ну погоди, Алиев, — шипела я, запихивая волосы под шапочку. — Ты еще попросишь меня о помощи. Ты еще признаешь, что я права.

Я подошла к раковине и включила воду. Через минуту вошел он. Спокойный, собранный, величественный. Встал рядом, начал мыть руки. Он даже не смотрел в мою сторону, словно разговор в кабинете уже стерся из его памяти.

Я мыла руки, глядя в зеркало на наши отражения. Я ненавидела его сейчас так сильно, что, казалось, зеркало должно треснуть, но где-то глубоко внутри, под слоем злости, билась другая мысль: он снова взял меня на операцию. Пусть медсестрой, пусть «подержать крючки», но он взял меня туда, где будет твориться магия и в этот раз подпустит чуть ближе.

И я буду смотреть. Я буду учиться. И я буду ждать момента, когда его хваленая самоуверенность даст трещину. Потому что месяц еще не прошел. И пари все еще в силе.

— Вода слишком горячая, Смирнова, — бросил он, не поворачивая головы. — Кожу сожжете. Берегите руки. Они вам еще пригодятся... как минимум, чтобы подавать мне зажимы.

Дорогие мои, продолжаю вас знакомить с участниками литбома "Неизлечимо влюблены".

Сегодня приглашаю вас в эмоциональную книгу от Елизаветы Найт "Болезненный развод. Исцеление любовью".

Читать по ссылке: <https://litnet.com/shrt/1i2b>

Глава 8

В операционной меня встретила привычная прохлада — здесь всегда поддерживали температуру чуть ниже комнатной, чтобы хирургам было комфортно работать под жарким светом ламп и в плотных халатах. Я вошла следом за Алиевым, удерживая руки перед собой в стерильной позиции «МОЛИТВЫ».

Медсестра-анестезистка проводила меня удивленным взглядом поверх маски, но промолчала. В царстве Алиева вопросы задавал только один человек, и это была точно не она.

Когда я облачилась в стерильный халат и натянула перчатки, звук хлопнувшего латекса на запястьях прозвучал подобно выстрелу стартового пистолета.

— Вставайте вторым ассистентом, Алина, — Алиев уже занял позицию у стола, над которым нависала огромная, похожая на НЛО тарелка бестеневой лампы. — Ваша задача — держать поле. И ради бога, не дышите мне под руку.

Я подошла к столу. Пациентка, крупная женщина лет пятидесяти, была скрыта под зелеными простынями, оставляя нашему вниманию лишь квадрат кожи на животе, густо смазанный йодом до цвета темного янтаря.

— Скальпель.

Тон Алиева изменился мгновенно. Исчезла надменность,

исчез сарказм. В голосе зазвенела сухая, предельная концентрация. Марина, опытная операционная сестра, вложила инструмент в его ладонь еще до того, как он закончил фразу.

Первый разрез прошел пугающе легко. Кожа разошлась под острым лезвием мягко и сочно, словно перезрелый персик, обнажая яркую, пульсирующую плоть. Я тут же промокнула выступившую кровь марлевой салфеткой. Алиев даже не кивнул. Он работал в высоком темпе, экономя каждое движение. Казалось, он заранее просчитал всю операцию на десять ходов вперед, как гроссмейстер.

Мне достались крючки – тяжелые металлические инструменты для разведения краев раны. Работа статичная, неблагодарная и изматывающая: нужно стоять неподвижно часами, удерживая натяжение, пока мышцы спины наливаются свинцом, но при этом следить за каждым действием хирурга, чтобы не перекрыть ему обзор.

— Глубже, — скомандовал он.

Я потянула металл на себя, открывая доступ к брюшной полости. Первым ассистентом стоял молодой ординатор Костя – парень толковый, но сегодня он явно нервничал. Его руки в перчатках подрагивали, и он то и дело суетился, пытаясь предугадать желания шефа, но все время невпопад.

В операционной повисла плотная рабочая тишина, которую нарушали лишь ритмичный писк кардиомонитора, шипение отсоса и короткие команды Алиева:

— Коагулятор. Зажим. Еще. Вижу сосуд.

Стоя плечом к плечу с Костей, я видела, как Алиев работает.

Боже, что это были за руки.

Здесь, под ярким светом ламп, он преображался. Его пальцы двигались с невероятной, почти неестественной точностью, обходя нервные окончания и сплетения сосудов. Он вязал узлы так быстро, что взгляд едва успевал фиксировать мелькание нити.

Мое раздражение на него улетучилось, сменившись чистым профессиональным восторгом. Я видела, как он импровизирует в моменты, когда анатомия пациента преподносила сюрпризы, и эти решения были виртуозными.

Внезапно ситуация изменилась. Опухоль, которую мы удаляли, оказалась спаяна с крупным сосудом, чего не показали снимки КТ. Кровь хлынула в рану, мгновенно скрывая операционное поле.

— Черт, — выдохнул Алиев. — Марина, зажим Бильрота. Живо!

Костя запаниковал. Он сунулся с отсосом прямо под руку Алиеву, пытаясь убрать кровь, но сделал только хуже — задел инструментом край сосуда. Кровотечение усилилось.

— Убери руки! — рывкнул Алиев. — Ты мне сейчас артерию порвешь!

Костя отшатнулся, бледный как полотно. Его руки тряслись так, что инструменты в них мелко звякали друг о друга.

Алиев на секунду поднял глаза. Взгляд у него был страш-

ный.

— Пошел вон отсюда! — проорал он ему буквально в лицо. — Алина, меняйтесь местами.

— Что? — выдохнула я.

— Вставай первым ассистентом! Быстро! — приказал он, не терпя промедления. — Костя, бери крючки или вали отсюда к чертовой матери, мне плевать! Смирнова, сюда!

Я метнулась на место ординатора. Времени на страх не было. Я видела алую лужу, в которой тонул зажим.

— Отсос, — скомандовала уже я, перехватывая трубку.

Я работала аккуратно, убирая кровь именно там, где нужно, освобождая Алиеву обзор, но не мешая его движениям.

— Зажим, — Алиев протянул руку.

Марина замешкалась. Я схватила инструмент со столика и с силой вложила кольца в его ладонь и сразу под нужным углом.

Щелк. Кровотечение остановилось.

— Сухо, — выдохнул Алиев через секунду. — Шьем. Викирил, тройка.

Костя, красный от стыда, стоял на моем прошлом месте и держал крючки, а я осталась стоять справа от Алиева. На месте первого ассистента.

Следующие сорок минут превратились в какой-то безумный танец. Мы работали в пугающем унисоне. Я перестала ждать команд. Просто видела, куда движется его рука, и заранее готовила поле. Он только собирался попросить салфет-

ку, а я уже осушала края раны. Он тянулся за ножницами, а я подавала их кольцами вперед, вкладывая в пальцы.

Мы словно подключились к одной нейросети. Исчезли медсестра Смирнова и заведующий Алиев. Остались четыре руки, которые спасали жизнь. Я чувствовала жар его тела, его локоть периодически касался моего, и это не мешало — наоборот, это помогало чувствовать ритм.

— Ножницы, — бросил он.

— Держи, — я подала.

— Лигатуру.

Марина не успевала за нами. Я сама брала нити, сама отрезала концы, сама ассистировала при наложении швов.

Когда последний узел на коже был завязан, Алиев отбросил пинцет в лоток. Инструмент звякнул о металл, ставя резкую, финальную точку в операции.

— Закончили, — объявил он, отступая от стола и срывая маску с лица. — Всем спасибо. Пациентку в реанимацию. Костя... — он посмотрел на понурого ординатора. — В морг, на практику. Учиться анатомии и лечить нервы.

Он стянул перчатки вместе с халатом и вышел, даже не взглянув на меня.

Я осталась у стола, чувствуя, как гудят ноги и ноет спина, но усталость перекрывало горячее, пьянящее чувство триумфа. Я справилась. И я стояла первым номером.

— Ну ты даешь, Алина, — Марина качала головой, собирая инструменты. — Вы с ним прям спелись. Обычно на та-

ких кровотечениях он матом кроет, стены дрожат. А тут... тишина. Ну почти.

Я улыбнулась и направилась к выходу. Руки все еще подрагивали от напряжения.

В предоперационной Алиев стоял, прислонившись спиной к кафельной стене и закрыв глаза. Его грудь тяжело вздымалась, словно он только что пробежал стометровку. Сорванная маска болталась на шее, а на лбу блестела испарина. В этот момент он не был похож на бога хирургии – скорее на боксера, который чудом устоял в двенадцатом раунде.

Я подошла к раковине смыть тальк.

— Зачем вы это сделали? — спросила я, не глядя на него. — Вы ведь сильно рисковали.

— Я обещал, — ответил он, не открывая глаз. — Я сказал: найдете ошибку – встанете первым ассистентом.

Я выключила воду и повернулась к нему, вытирая руки бумажным полотенцем.

— Но вы же не могли знать, как пойдет операция, — возразила я. — Там было массивное кровотечение. Костя потерялся, а если бы этого не произошло? Вы не могли знать наверняка. И тем более это было безумие – ставить медсестру на такую позицию в критический момент только из-за какого-то пари.

Алиев наконец оторвался от стены. Он проигнорировал мой вопрос о рисках, словно не услышал его вовсе. Подошел к соседней раковине, включил ледяную воду и начал с остер-

венением тереть лицо, смывая напряжение последних часов.

Потом он выпрямился, стряхнул капли с рук и посмотрел на меня. Взгляд был цепким, тяжелым. Он скользил по моему лицу, словно пытаюсь прочесть что-то.

— Руки у вас стоят слишком правильно, — произнес он задумчиво. — И реакция... никакой лишней суеты.

Он сделал шаг ближе, вынуждая меня чуть запрокинуть голову.

— Интересно, Алина, — тихо проговорил он, и в его голосе прозвучала опасная нотка. — За что же вас *на самом деле* отчислили из медицинского? Неужели правда за неуспеваемость? Потому что сегодня я видел кого угодно, но только не двоечницу.

Я сглотнула, чувствуя, как его пронизательность подбирется к моим самым темным секретам.

— В жизни всякое бывает, Тимур Русланович.

— Бывает, — согласился он, не сводя с меня глаз. — Но я обычно узнаю правду. Рано или поздно.

Он резко отвернулся, скомкал полотенце и бросил его в урну.

— Месяц, — бросил он уже у выхода. — Пари в силе. И дверь за ним закрылась.

Дорогие мои, уже по традиции продолжаю вас знакомить с участниками литбома "Неизлечимо влюблены".

Сегодня приглашаю вас в классную эмоциональную исто-

рию от Марты Вебер и Марии Владыкиной **"Неотложка для разбитого сердца"**.

Читать по ссылке: <https://litnet.com/shrt/kc57>

Глава 9

Стоило двери за Алиевым закрыться, как магия момента рассеялась. Драйв, на котором я держалась, испарился, словно кто-то дернул рубильник, и тело вдруг налилось такой тяжестью, будто гравитация в этой комнате усилилась вдвое. Плечи отяжелели, а желудок напомнил о себе требовательным урчанием – последний раз я видела еду вчера вечером, и это был печальный бутерброд с сыром.

Я стянула шапочку, позволяя волосам рассыпаться по плечам. Пряди намокли и неприятно липли к шее. Сейчас, глядя на свои руки, на которых остались красные следы от тугих манжет перчаток, я чувствовала себя кем угодно, только не триумфатором. Скорее — марафонцем, который добежал до финиша и обнаружил, что забыл, зачем бежал.

Дорога к раздевалке казалась бесконечной. Я шла по длинному коридору хирургии, вдыхая привычный коктейль из запахов дезинфекции, лекарств и едва уловимого аромата больничной еды, которую уже начали развозить по палатам.

Впереди показалась знакомая фигура в синем халате. Санитарка тетя Паша, бессменный страж чистоты нашего этажа, яростно натирала пол шваброй. Казалось, у неё личные счета с каждой пылинкой. Увидев меня, она оперлась на черенок, как на посох, и прищурилась.

— А Костик-то наш пулей пролетел, — сообщила она вме-

сто приветствия. Голос у неё был громкий, рассчитанный перекрывать шум каталок. — Лицо красное, глаза бешеные. Чуть ведро мне не опрокинул, ирод. Слышала, Алиев его от стола отлучил?

Я вздохнула, прислонившись плечом к прохладной стене. Сплетни здесь передвигались быстрее света.

— Операция сложная была, тетя Паш, — уклончиво ответила я. — Главное, пациентка стабильна.

— Ой, да ладно тебе темнить, — она махнула рукой. — Весь этаж уже гудит. Говорят, ты там чудеса творила. Смотри, девка, Костя парень злопамятный, да и папаша у него в министерстве сидит. Такие обид не прощают.

— Я просто делала свою работу, — я попыталась улыбнуться, но вышла гримаса усталости. — Пойду, а то упаду прямо на ваш чистый пол.

— Иди, иди. Там в ординаторской Марина пирогов принесла. Поешь, а то краше в гроб кладут.

Ординаторская встретила меня густым, уютным духом домашней выпечки и крепкого чая. Это было сердце отделения, место, где иерархия немного размывалась, уступая место простой человеческой потребности выдохнуть. Работающий телевизор тихо бубнил новости, на столе громоздились папки, кружки и контейнеры с едой.

Когда я вошла, гул голосов на мгновение замер. Взгляды десятка глаз скрестились на мне. Я ожидала чего угодно — осуждения, насмешек, вопросов. Но увидела скорее насто-

роженное любопытство. Я была тем самым элементом, который нарушил привычное течение жизни в их аквариуме.

— Явилась, пропажа, — Марина, уже переодетая в уютный флисовый костюм, помахала мне кружкой. — Живая?

— Относительно, — я прошла к свободному стулу и буквально рухнула на него.

— Держи, — она подвинула ко мне пластиковый контейнер с румяными пирожками. — С капустой и яйцом. Стратегический запас.

За соседним столом Стас, наш анестезиолог, меланхолично размешивал сахар в чашке. Он выглядел так, будто познал дзен и теперь ему абсолютно все равно, что происходит вокруг.

— Ну, Смирнова, — протянул он лениво. — Умеешь ты устраивать шоу. Я думал, Алиев тебя следом за Костей отправит. Он бардак в операционной ненавидит больше, чем проверяющих из облздрави.

— Пришлось рискнуть, — я взяла пирожок, чувствуя, как рот наполняется слюной. — Там артерия кровила. Ждать было некогда.

— Рисковая ты, — покачал головой Виктор Петрович, старейший хирург отделения, откладывая кроссворд. Он смотрел на меня поверх очков с отеческой строгостью. — Дело благородное, конечно, пациента спасти. Но субординация — штука железная. Сегодня ты зажим подала поперек бабки, а завтра что? Скальпель перехватишь?

— Я знаю свое место, Виктор Петрович, — спокойно ответила я, прожевав кусок. — И предпочитаю подавать инструменты, а не использовать их. Так спокойнее и мне, и пациенту.

— Вот и умница, — он удовлетворенно кивнул. — Амбиции — это хорошо, но в частной клинике любят порядок. Знай свой маневр, и проживешь дольше.

Разговор потек в привычное русло. Обсуждали график дежурств, новую медсестру в приемном, цены на бензин. Я сидела, пила сладкий чай, слушала их голоса и чувствовала, как напряжение понемногу отпускает. Меня приняли. С оговорками, с настороженностью, но приняли. Я стала частью этой странной, уставшей, циничной семьи.

Идиллию нарушил звук открываемой двери. Уверенный, властный толчок, от которого дребезжат стекла.

Разговоры смолкли мгновенно, словно кто-то щелкнул выключателем.

В проеме стояла женщина. Высокая, безупречная блондинка. Её белый халат сидел по фигуре так идеально, словно его шили у итальянского портного, а не выдавали на складе. Укладка волосок к волоску, сдержанный макияж, подчеркивающий холодную голубизну глаз.

На бейджике золотом горело: *«Регина Витальевна Ланская. Заведующая отделением кардиологии»*.

Она обвела ординаторскую взглядом, в котором читалась безгловость королевы, случайно зашедшей в хлев. Её глаза

скользнули по коробкам с пищей, по старым кружкам, по нашим лицам.

— Станислав, — её голос был низким, глубоким и бархатным, но в нем звенела сталь. — У меня в третьей палате пациент с пароксизмом. Будьте любезны, когда закончите свою... трапезу, зайдите.

— Уже иду, Регина Витальевна, — Стас поспешно вскочил, вытирая рот салфеткой. Он выглядел виноватым школьником.

Она кивнула и уже собиралась развернуться, но вдруг её взгляд зацепился за меня. Я сидела с недоеденным пирожком, в мятом после смены костюме, уставшая и растрепанная. Полная противоположность её глянцево-му совершенству.

Регина задержалась. Она вошла внутрь, и цокот её каблучков прозвучал в тишине как удары молотка судьи.

— Новенькая? — спросила она, глядя на меня сверху вниз.

— Медсестра Алина, — ответила Марина за меня, и в её голосе прозвучали защитные нотки. — Хирургия.

— Ах да, — Регина чуть приподняла бровь. — Та самая... Наслышана уже.

Она подошла ближе.

— Тимур Русланович вечно играет в демократию, — произнесла она, обращаясь ко мне, но глядя куда-то сквозь, словно я была прозрачной. — Но всему есть предел. Инте-

ресно, когда уже отдел кадров начнет серьезнее подходить к... внешнему виду сотрудников при трудоустройстве?

Она картинно поморщилась, скользнув взглядом по моему растрепанному хвосту и отсутствующему макияжу.

— А то понабирают по объявлению... Имидж клиники – это не пустой звук, милочка. Мы продаем элитные услуги, а не шаурму на вокзале.

— Я здесь, чтобы лечить людей, а не украшать собой холл, — ответила я спокойно, глядя ей в глаза.

— Твоя работа – быть незаметной тенью и выполнять назначения, — её губы тронула легкая, брезгливая улыбка. — А когда тень выглядит так... неопрятно, это ложится пятном на репутацию всего отделения. И кстати... Алиев не любит долго играть с одной и той же игрушкой, они ему быстро надоедают.

В комнате повисла звенящая тишина. Все ждали моей реакции.

— Спасибо за совет по стилю, — я улыбнулась ей в ответ, вежливо и отстраненно. — Я обязательно учту его в свободное от работы время.

В её глазах мелькнуло раздражение – она ждала испуга или хамства, но не вежливости.

— Надеюсь, — бросила она и развернулась, обдав меня шлейфом духов. — Станислав, я жду.

Когда дверь за ней закрылась, ординаторская коллективно выдохнула.

— М-да, — протянул Стас, собирая фонендоскоп. — Попала ты под раздачу, Смирнова.

— Кто это? — спросила я, провожая взглядом закрывшуюся дверь.

— Регина Конева, — шепотом пояснила Марина. — Кардиолог от бога и стерва от дьявола. И, по совместительству, бывшая жена Алиева.

— Жена? — брови сами поползли вверх.

— Гражданская. Жили вместе года три, дело к свадьбе шло. Красивая пара была, оба карьеристы, оба звезды. Разбежались громко, но она до сих пор ведет себя здесь как хозяйка. Алиев для неё — то ли трофей, то ли собственность. Она очень болезненно реагирует на любые новые лица в его орбите. Особенно женские.

— И особенно на тех, кого он сам выделяет, — добавил Виктор Петрович. — А то, что он тебя на место первого ассистента пустил — это, считай, красная тряпка. Будь осторожна, девочка. Регина воюет тихо, но бьет больно. С расписанием намудрит, премию срежет, жалобу напишет.

Я посмотрела на остатки пирожка. Аппетит пропал. Отличный расклад. Мало мне было самодура-начальника, проблем с деньгами и больного отца. Теперь в уравнении появилась еще и ревнивая бывшая с комплексом королевы.

Дорогие мои, уже по традиции продолжаю вас знакомить с участниками литбома "Неизлечимо влюблены".

Сегодня приглашаю вас в классную интригующую историю от Виктории Вестич "Бывшие. Противопоказано влюбляться".

Читать по ссылке: <https://litnet.com/shrt/eq-o>

Глава 10

Следующие два дня превратились в затяжной прыжок в бездну трудовых будней. Алиев продолжал проверять меня на прочность, и эта проверка напоминала курс выживания в диких джунглях, только вместо лиан были капельницы, а вместо хищников — капризные пациенты.

Новый рабочий день неизменно начинался с запаха хлорки, который, казалось, въелся в поры моей кожи.

Седьмая палата встречала меня недовольным гудением. Там лежал депутат областного собрания с обострением холецистита. Он требовал особого отношения, и каждое мое появление сопровождалось списком претензий.

— Девушка! — его голос, тягучий и требовательный, догонял меня даже у выхода. — Подушка сбилась. Одеяло колет. Вода теплая, мне не нравится, принесите ледяной, но без льда.

Я поправляла, приносила, улыбалась дежурной улыбкой, за которой пряталось глухое раздражение. Вена у него была капризная, прячущаяся, и каждый укол превращался в саперную операцию. Я чувствовала, как по спине течет струйка пота, когда искала пульсацию под слоем отечной ткани, а он комментировал каждое мое движение, угрожая звонком главврачу.

Пятая палата была другой. Там пахло старостью и ле-

карствами. Бабушка Анна Петровна, божий одуванчик с ясным взглядом голубых глаз, регулярно пыталась уйти домой «кормить Мурзика». Я ловила её у лифтов, мягко разворачивала и вела обратно, слушая бесконечные истории про этого самого кота. В такие моменты я чувствовала себя не медсестрой, а сиделкой, психологом и внучкой одновременно.

Перевязочная жила своей жизнью. Я ненавидела это место всей душой, но меня словно нарочно отправляли сюда раз за разом, испытывая мое терпение. Я снимала пропитанные сукровицей бинты, обрабатывала края ран, накладывала свежие повязки. Руки работали на автомате, движения были отточенными и быстрыми. Пациенты морщились, шипели, кто-то тихо стонал, и я говорила с ними, заговаривала зубы, отвлекая от боли.

Алиев присутствовал в моей жизни постоянно, но появлялся он исключительно в моменты моего позора. У него словно был встроенный радар на мои неудачи. Стоило мне зацепиться карманом за дверную ручку и с треском порвать халат, споткнуться о ведро санитарки или рассыпать по коридору гору упаковок с физраствором, как он тут же вырастал из-под земли.

Он не ругался, не отчитывал, а просто останавливался, скрестив руки на груди, и медленно, с убийственной многозначительностью качал головой. Или, что было еще хуже, кривил губы в едва заметной, издевательской ухмылке, глядя, как я, пунцовая от стыда, пытаюсь собрать свое досто-

инство вместе с инвентарем. И уходил, так и не проронив ни слова, оставляя меня наедине с желанием провалиться сквозь землю.

В четверг, ближе к обеду, отделение взорвалось суетой. Из третьей палаты раздался крик санитарки.

Я оказалась там через секунду.

Иванов, грузный мужчина после резекции желудка, лежал поперек кровати. Лицо серое, покрытое крупными каплями пота, губы синюшные. Ортостатический коллапс – он слишком резко встал, и сосуды не успели среагировать.

Время сжалось в тугую пружину.

— Тонометр! — крикнула я санитарке, хватая безвольную руку пациента.

Пульс был нитевидным, едва ощутимым под пальцами. Я убрала подушку, опустила головной конец кровати, поднимая ноги выше уровня сердца. Кровь должна прилить к мозгу.

Пока бежал дежурный врач, я уже вскрыла ампулу с кордиамином. Руки действовали сами, опережая мысли. Жгут, поиск вены, хлопок по локтевому сгибу. Вена спалась, спряталась, но я нашла её на ощупь. Игла вошла мягко, поршень шприца подался вперед.

Иванов судорожно вздохнул, его веки дрогнули. Цвет лица начал меняться с землистого на бледно-розовый.

В дверях появился запыхавшийся дежурный врач, а за его плечом я увидела Алиева.

Тимур Русланович стоял, прислонившись к косяку, и внимательно смотрел на мои руки. Он видел всё: как я убираю шприц, как проверяю зрачки пациента, как успокаиваю его тихим голосом.

— Стабилизировался, — констатировала я, выпрямляясь и встречаясь с ним глазами.

Алиев медленно кивнул. Один раз. Видимо, это было высшей похвалой, на которую он был способен. Потом он развернулся и ушел, растворившись в коридоре.

К вечеру я чувствовала себя выжатой досуха. Ноги гудели, отдавая тупой болью в каждом шаге. Форма, утром свежая и хрустящая, теперь казалась второй кожей, пропитавшейся моим потом.

Я сидела на посту, заполняя журнал учета, и мечтала о душе. Буквы плясали перед глазами.

— Алина!

Я подняла голову. Леночка, секретарь, стояла над столом, сияя свежестью и благоухая цветами.

— Собрание, — объявила она тоном глашатая. — Через пять минут в конференц-зале. Шеф велел быть всем.

— По какому поводу банкет? — я закрыла журнал.

— Будут новости какие-то.

Мы потянулись в зал вереницей уставших теней. Врачи тихо переговаривались, медсестры обсуждали график отпусков. Атмосфера была тягучей, пропитанной ожиданием конца рабочего дня.

Конференц-зал встретил прохладой кондиционеров и приглушенным светом. В первом ряду, как всегда безупречная, сидела Регина. Она листала ленту в телефоне, изредка поправляя идеальную укладку. Её поза выражала полную скуку и превосходство над происходящим.

Я нашла место в заднем ряду, в тени, надеясь остаться незамеченной.

Алиев вошел стремительно. Дверь распахнулась, впуская его энергию – жесткую, концентрированную. Он тоже выглядел уставшим, но взгляд горел решимостью. Он встал перед столом президиума, опираясь на него руками.

— Коллеги, — его голос звучал глухо, но отчетливо. — Сразу к делу. Клиника расширяется, нагрузка растет, мы выходим на новые мощности. Я принял решение усилить хирургическое направление.

В зале повисла тишина. Слышно было только гудение проектора.

— Нам нужен опыт. Нам нужно имя, которое привлечет пациентов на высокотехнологичные операции. Мы вели переговоры несколько месяцев, и сегодня я готов представить вам нашего нового заместителя главного врача по хирургии.

Он сделал паузу, обводя зал тяжелым взглядом.

— Прошу.

Дверь в конце зала открылась.

Дорогие мои, продолжаю вас знакомить с участниками

литбома "Неизлечимо влюблены".

Сегодня приглашаю вас в книгу от Рики Баркли "Проблема для Хирурга. Это (не) любовь".

Читать по ссылке: <https://litnet.com/shrt/CIME>

Глава 11

Алиев стоял у стола, барабанил пальцами по полированной поверхности. Вид у него был вполне благодушный – редкое явление для вечера четверга, когда все обычно валяется с ног.

— Прощу, — он сделал широкий приглашающий жест рукой в сторону двери. — Игорь Сергеевич, мы вас ждем.

Игорь Сергеевич? Меня словно под дых ударили. Сердце ухнуло куда-то вниз, а потом забилося в горле, мешая дышать. Да нет же, не может быть. Мне просто показалось. Мало ли в медицине Игорей Сергеевичей? Пожалуйста, пусть это будет просто тезка. Совпадение. Кто угодно, только не он.

В зал вошел мужчина.

Я сползла вниз по спинке кресла, стараясь стать меньше. Ссутулилась, втянула голову в плечи, прячась за широкой, надежной спиной Виктора Петровича, который сидел впереди. Только бы не заметил, только бы пронесло. В зале царил полумрак – для презентации свет приглушили, и галерка тонула в спасительной тени.

Воронов прошел к столу президиума уверенной, пружинистой походкой человека, который привык быть центром внимания. Серый костюм, явно сшитый на заказ, сидел на нем безупречно. Идеальная укладка, благородная седина на висках, очки в тонкой золотой оправе. Он выглядел как

ожившая реклама успешной жизни. Ничуть не изменился за три года, разве что взгляд стал еще более сытым и уверенным.

— Добрый вечер, коллеги! — его голос, тот самый бархатный баритон, заполнил зал без всякого микрофона.

Меня замутило. Желудок сжался в тугой узел. Я уставилась на свои руки, сцепленные в замок на коленях, до боли вжимая ногти в ладони. Смотреть на него было физически неприятно, но и отвести взгляд я не могла.

— Рад присоединиться к вашей команде, — продолжал он, пожимая руку Алиеву. Тимур ответил на рукопожатие крепко и уверенно, даже с легкой улыбкой. — Слышал о клинике много хорошего. Тимур Русланович создал здесь уникальную базу, и для меня честь работать с таким профессионалом.

— Взаимно, Игорь Сергеевич, — кивнул Алиев. — Ваш опыт в реконструктивной хирургии нам очень пригодится. Мы давно искали специалиста вашего уровня, чтобы закрыть это направление.

Они обменялись еще парой вежливых фраз. Выглядело это как встреча двух старых партнеров – уважительно, статусно. Никакого напряжения, только деловой этикет. Алиев явно был доволен приобретением.

Зал вежливо захлопал. Я видела только спину Регины в первом ряду, но заметила, как она выпрямилась, и кокетливо поправила прическу. Кажется, даже её, нашу неприступную

Снежную Королеву, заинтересовал этот чертов Воронов.

Воронов начал говорить. О планах, о внедрении новых методик, о важности командной работы. Слова были правильные, гладкие, отшлифованные. Он умел очаровывать аудиторию, этого у него не отнять. Он шутил – тонко, интеллигентно, и зал благодарно смеялся. Медсестры рядом смотрели на него с нескрываемым интересом.

Я не слушала смысл. Я слышала только интонации. Те самые, которыми он когда-то говорил мне на кафедре: «Ты талантлива, Алина, но таланту нужна правильная огранка... в правильных руках».

Время тянулось, как резина. Каждая минута казалась часом. Я боялась пошевелиться, боялась, что скрип кресла привлечет его внимание.

Воронов обводил зал взглядом, купаясь во внимании. Он скользил глазами по лицам врачей, кивал знакомым, улыбался женщинам. Его взгляд прошелся по задним рядам... и скользнул дальше.

Я выдохнула. Он меня не увидел или не узнал. В полумраке, в медицинской пижаме, без макияжа и с хвостом – я была просто одной из многих. Серая мышь в стае белых халатов.

— Не буду утомлять вас долгими речами в конце смены, — наконец произнес Воронов, изящным движением глянув на массивные часы на запястье. — Мы еще успеем познакомиться лично с каждым. Спасибо за теплый прием.

— Все свободны, — объявил Алиев. — Игорь Сергеевич,

пойдемте, я покажу вам ваш кабинет.

Народ зашумел, вставая с мест. Заскрипели стулья, слышались вздохи облегчения и гул обсуждений.

Я подскочила одной из первых. Подхватила сумку, прижала её к груди как щит и, не поднимая головы, пристроилась в хвост группе медсестер из терапии, которые активно обсуждали, женат ли новый зам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.